

В.О. ПЕЧАТНОВ*

ДИПЛОМАТ НОМЕР ОДИН (К 90-летию А.Ф. ДОБРЫНИНА)

Более чем двухвековая история российско-американских отношений богата яркими именами крупных дипломатов с обеих сторон. Но и на этом колоритном фоне фигура Анатолия Фёдоровича Добрынина стоит особняком. Дело даже не столько в рекордно долгой продолжительности на посту посла в Вашингтоне (с 1962 по 1986 г.), сколько в масштабе его личности и том практическом вкладе, который он внёс в развитие отношений наших стран за долгие годы работы на американском направлении. Она началась ещё в 1952 г., когда Анатолий Фёдорович приехал в Вашингтон в качестве советника Посольства СССР. За плечами молодого

дипломата было первоклассное техническое и дипломатическое образование, опыт инженерно-конструкторской, научной и мидовской работы – от секретариата министра до заместителя генерального секретаря ООН. Эта разносторонняя подготовка позволила ему быстро выделиться среди своих коллег. Достаточно просмотреть его аналитические материалы тех лет, доступные ныне в Архиве внешней политики МИД, чтобы убедиться, что с приходом Добрынина произошёл заметный сдвиг в понимании политической ситуации в США – от примитивного идеологизма и пропагандистских штампов в сторону объективности, постижения реальной сложности американской действительности. Этот реализм и профессиональная аналитическая хватка станут неизменными атрибутами всей дальнейшей деятельности Добрынина, расцвет которой пришёлся на годы его посольской службы в Вашингтоне.

Уже тогда он стал поистине легендарной фигурой в дипломатическом сообществе. Когда дуаиен дипломатического корпуса в столице США, Анатолий Ф. Добрынин, покидал её после почти 24-х лет посольской службы, «Нью-Йорк таймс» писала о «конце эры», а Госдепартамент (беспрецедентный слу-

* ПЕЧАТНОВ Владимир Олегович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой МГИМО (У) МИД РФ. Copyright © 2009.

чай) сделал публичное заявление по поводу его карьеры, охарактеризовав её как «высокий образец искусства дипломатии». Но только теперь, после публикации документов, мемуаров его партнёров по переговорам и многочисленных научных исследований международных отношений того времени, стало возможным по-настоящему объективно осмыслить мировую политику тех лет и ту роль, которую играл в ней посол Добрынин. Она определялась сочетанием двух решающих обстоятельств: личного таланта и стоявшей за его спиной мощи мировой державы. То был редкий случай, когда масштаб личности дипломата соответствовал масштабу представляемой им страны и исторических задач, стоявших перед двумя ведущими державами мира.

А.Ф. Добрынину принадлежит видная роль в урегулировании смертоносного Карибского кризиса в 1962 г. и военных конфликтов 1967 и 1973 гг. на Ближнем Востоке, подготовке важнейших советско-американских соглашений по стратегическим вооружениям (ОСВ-1, ОСВ-2, Договора по ПРО, Соглашения о предотвращении ядерной войны 1973 г.), в продвижении европейского процесса, Венских переговоров по обычным силам и вооружениям в Европе и четырёхстороннего соглашения по Западному Берлину (1971 г.). Венцом добрынинской дипломатии стал исторический прорыв к разрядке в советско-американских отношениях начала 1970-х годов, который вряд ли был бы возможен без знаменитого «секретного канала Добрынин – Киссинджер», не имеющего аналогов во всей новейшей истории дипломатии. Обо всех этих событиях подробно и увлекательно рассказал сам Добрынин в своих знаменитых теперь мемуарах¹. Но есть вещи, о которых он предпочитает не говорить, ибо справедливо считает некорректным давать оценки собственным достижениям и личным качествам, предоставляя это другим, более отстранённым наблюдателям.

В чём же секрет «феномена Добрынина», над разгадкой которого ломали голову его современники и продолжают размышлять историки? Интеллект, эрудиция, обаяние, проницательность («Добрынин видит людей насквозь», – в один голос говорили мне и его помощники, и знакомые с ним американцы), прекрасное знание страны пребывания, мастерство переговорщика – эти необходимые любому хорошему дипломату качества отмечаются всеми знающими Анатолия Фёдоровича. Но от профессионала большого калибра – участника важнейших внешнеполитических решений, требуется нечто большее. Он должен обладать высоким авторитетом в обеих столицах, иметь прямой доступ к высшему руководству обоих государств и пользоваться его доверием. В этом отношении Добрынину просто не было равных. Член ЦК КПСС с многолетним стажем, участник многих заседаний Политбюро, он хорошо знал реальное положение дел и настроения в советских верхах, что высоко ценилось в Вашингтоне. Не просто было блестящему аналитику и тонкому знатоку американской действительности не отрываться от кремлёвской политической «кухни» на протяжении стольких лет пребывания в Вашингтоне, находя общий язык с членами Политбюро, многие из которых плохо разбирались в тонкостях дипломатии и придерживались откровенно антиамериканских предубеждений.

¹ См.: Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. 24 года послом в Вашингтоне при шести президентах США. М., «Автор», 1996 (Отрывки из книги были опубликованы в журнале «США – ЭПИ», 1996, № 3, 6–8. – *Ред.*)

При этом он никогда не подлаживался под примитивные настроения такого рода, давая объективную оценку американских мотивов и намерений, которая, как правило, подтверждалась на практике.

Ещё более уникальным был доступ Добрынина к высшему эшелону американского руководства на протяжении всей его работы в Вашингтоне. У посла СССР был такой постоянный личный контакт со всеми современными ему лидерами «главного противника», которому могли позавидовать ближайшие союзники США: он был вхож к обоим братьям Кеннеди, его в любое время суток сразу же соединяли с Л. Джонсоном, у него была прямая секретная телефонная связь с Белым домом при Р. Никсоне и отдельный, скрытый от посторонних глаз, вход в здание Госдепартамента.

«Обладая тонким чутьём и высокой внутренней дисциплиной, радушный по манере держаться, но остававшийся всегда начеку, Добрынин с большим искусством вращался в высших кругах Вашингтона», – писал о своём партнёре по «секретному каналу» не щедрый на похвалу Генри Киссинджер. Даже его критики – такие как бывший посол США в Москве Малкольм Тун, который (как, впрочем, и другие коллеги посла) не мог простить Добрынину его исключительного статуса в Вашингтоне, называл его «самым способным иностранным дипломатом двадцатого века по степени непомерного влияния на вашингтонскую политическую арену». Советский посол был лично знаком практически со всеми американскими политиками высокого ранга, а также многими крупными деятелями бизнеса, науки и культуры, считавшими за честь знакомство с «господином Добрыниным». Он был подлинным вашингтонским «инсайдером», прекрасно разбиравшимся во всех нюансах столичной «политической кухни». В этом ему помогало редкое чутьё на людей, обладающих реальным политическим весом, которое позволяло ему безошибочно отличать подлинную элиту от мнимой.

Расчётливые американцы привечали Добрынина не за «красивые глаза», они видели в нём прежде всего авторитетного и самостоятельного представителя Кремля, который не только исправно донесёт их позицию до высшего советского руководства, но и выскажет при этом своё мнение, способное повлиять на принятие решений в Москве. И в самом деле, посол часто сопровождал свои важные депеши собственными рекомендациями, которые учитывались при подготовке решений и нередко возвращались к нему уже в качестве инструкций из Центра. При этом Добрынин никогда не боялся вызвать неудовольствие начальства, даже если его точка зрения была не совсем «ко двору» в Москве.

Ценилась и надёжность Добрынина как партнёра по переговорам – чувство ответственности, умение держать слово и сохранять конфиденциальность, нацеленность на честный поиск взаимоприемлемых решений. Вопреки расхожей поговорке о том, что «посол – это честный человек, которого посылают за границу врать ради своей страны», обман в дипломатии, как писал ещё в XVII веке губернатор Новой Франции де Кальер, «имеет крайне ограниченное применение, поскольку нет большего проклятия, чем бумеранг разоблачённой лжи... Он может привести к успеху сегодня, но породит атмосферу подозрительности, которая завтра сделает дальнейший прогресс невозможным... Пере-

говорщик должен быть честным человеком, уважающим правду, иначе к нему не будет доверия».

Доверие партнёров было главным капиталом Добрынина, который накапливался годами и подкреплял его высочайшую профессиональную репутацию. А без него нет и доверительности, столь ценной в деликатном дипломатическом искусстве. Благодаря этой доверительности посол получал от американских лидеров уникальную информацию, удивлявшую даже многоопытного А.А. Громыко: «Неужели он (президент, госсекретарь, министр обороны. – *В.П.*) Вам так и сказал с глазу на глаз?» – допытывался он, бывало, у Добрынина при личной встрече.

Что самое замечательное – Добрынин, как отмечалось во многих отзывах о нём, в том числе в специальном исследовании Конгресса США о советской дипломатии, завоевал это отношение, «не поступаясь интересами своей страны и не теряя доверия советского руководства... Хотя он и не выставляет свою идеологию напоказ, Добрынин является верным служителем коммунистического правительства». Но другого правительства в нашей стране тогда не было, а посол служил не идеологии, а российскому государству. Недаром патриарх американской дипломатии Джордж Кеннан в разговоре с автором этих строк называл Добрынина «лучшим представителем русской дипломатической школы». Это редкое умение глубоко погружаться в инородную среду, быть «своим среди чужих», не теряя при этом собственной национально-государственной идентичности и рвения за интересы своей страны (всегда оставаясь начеку), отличает подлинных корифеев дипломатии от уступчивых приспособленцев к властям страны пребывания, с одной стороны, и от чванливых чинуш, думающих только о том, как бы угодить своему начальству, – с другой.

Впрочем, своя идеология у Добрынина всё-таки была и остаётся. Это искренняя вера в возможность и необходимость улучшения отношений между нашими странами, на которых лежит особая ответственность за судьбы мира. Даже в худшие годы «холодной войны» он был глубоко убеждён в том, что (как говаривал в своём кругу) «если бы не дураки и демагоги с обеих сторон, наши отношения можно было свести к набору решаемых проблем». Этой цели он посвящал свои многолетние усилия, в том числе борясь с «дураками и демагогами», которых всегда было немало по обе стороны Атлантики.

Этой же цели по-своему служит и его замечательная книга, второе издание которой вышло в издательстве «Международные отношения» в 2008 г. Главная её научная ценность состоит в том, что она является основным источником по истории советско-американских отношений 1960–1980-х годов с нашей стороны. Американская позиция представлена в десятках мемуаров президентов, государственных секретарей и советников по национальной безопасности, среди которых выделяется капитальный трёхтомник главного визави Добрынина – Генри Киссинджера. Советские деятели тех лет писали гораздо меньше: сухие официозные воспоминания А.А. Громыко да небольшая и чисто мемуарная книга соратника Добрынина по американскому направлению Г.М. Корниенко – вот, пожалуй, и всё, чем располагали историки и заинтересованные читатели вплоть до середины 1990-х годов. Поэтому общая картина советско-американского взаимодействия оставалась неполной и крайне однобокой.

Фундаментальная по своему замыслу, объёму и воплощению книга Анатолия Фёдоровича сразу заняла почётное место в ряду документальных свидетельств главных участников событий в отношениях между нашими странами, причём именно в качестве источника, выходящего далеко за рамки чисто мемуарного жанра. Она написана автором не по изменчивой или избирательной памяти, а с прочной опорой на документы, прежде всего – донесения и записи бесед самого А.Ф. Добрынина, предоставленные ему отечественными служебными архивами в ходе работы. Тщательную выверенность и документальную достоверность приводимых в книге сведений отмечали все её профессиональные рецензенты, придирчиво проверявшие каждое слово.

Теперь внимательный читатель может убедиться в этом и сам, сопоставив книгу Добрынина с недавно опубликованным в издательстве «Международные отношения» двухтомником документов «Советско-американские отношения. Годы разрядки: 1969–1972», подготовленном совместно Министерством иностранных дел России и Государственным департаментом США. Главным украшением этого сборника, по общему признанию, являются добрынинские шифротелеграммы, впервые публикуемые в оригинале. Кстати, если собрать все шифровки Добрынина за время работы в Вашингтоне, то получился бы хороший десяток больших томов увлекательного чтения. Когда данный двухтомник ещё только готовился к печати и Анатолий Фёдорович снова просматривал свои теперь уже рассекреченные телеграммы, он сказал нам – составителям сборника, что и сейчас не стал бы менять в них ни одной строки. И действительно, его профессиональная и человеческая совесть может быть чиста перед судом истории и потомков.

Вот только один пример блестящей добрынинской аналитики по горячим следам событий – его депеша от 8 марта 1972 г. об итогах и последствиях исторического визита Р. Никсона в Пекин в феврале 1972 г. В ней дано точное определение сути происшедшего: дело не в американо-китайском сговоре как таковом, а в том, что «положено начало новой стратегической расстановке сил в Азии», что начинается «новая игра», дальний прицел которой – «сковывание для Советского Союза “свободы манёвра” в его азиатской, да и во всей внешней политике в целом». При всей серьёзности и негативности американо-китайского сближения для СССР Добрынин проницательно предвидел и глубинные долгосрочные противоречия между двумя державами, свидетелями которых мы стали только сегодня: противоречия, «проистекающие из фактически одинаковых подспудных устремлений американских правящих кругов и нынешнего китайского руководства к господству в Азии, а затем, по возможности, и к мировой гегемонии». В ней, наконец, содержались и тонкие рекомендации о том, как можно свести к минимуму негативные последствия этого визита и даже обернуть его себе на пользу: «Ныне, после “китайских похождений” у Никсона заметно также стремление оправдаться перед нами, доказывать, что в Пекине “ничего не произошло”. Это психологически ставит Никсона сейчас, перед встречей в Москве, в оборонительное положение, и указанное обстоятельство нам следует использовать в полной мере».

Как деятельность Добрынина стала одной из вершин советской внешней политики, так и его книга вошла в золотой фонд трудов корифеев мировой

дипломатии. Сейчас ни одно серьёзное исследование советско-американских отношений того периода не обходится без ссылок на эту работу, которая по уровню своей цитируемости во всём мире занимает ведущее место среди трудов российских авторов.

Книга А.Ф. Добрынина – не только увлекательный рассказ участника великих событий, но и мастерская дипломатического искусства, незаменимая для начинающих дипломатов и всех интересующихся этой сложной профессией. Она учит тактике поведения, мастерству ведения переговоров, способности аргументировать свою позицию и находить общий язык с партнёрами и соперниками. «Посол, – пишет об этом его искусстве заместитель Добрынина по посольству в течение многих лет А.А. Бессмертных, – умел выстраивать варианты бесед в зависимости от характера собеседника и ситуации. Тщательно к ним готовясь, он раскладывал (тут ему помогало хорошее знание тактики в шахматной игре) систему собственных аргументов и пытался предвидеть систему защиты или нападения другой стороны. Получалось некое ветвистое древо будущих переговоров».

Что не менее важно, книга учит гражданскому долгу дипломата – всегда руководствоваться интересами своей страны, уметь отстаивать их в любой самой сложной обстановке, не поддаваясь давлению, лести или эмоциям, но сохраняя при этом уважение к законным интересам партнёра. Кто знает, что могло бы произойти, если бы этот дух «просвещённого эгоизма» и трезвого расчёта не покинул бы советскую дипломатию на судьбоносном рубеже в конце 1990-х годов. Тогда, возможно, не была бы упущена «великая возможность» покончить с «холодной войной» на основе равенства и учёта жизненных интересов нашей страны (об этом с горечью пишет сам А.Ф. Добрынин в заключении).

Конечно, дипломатия не всесильна; как и любая политика, это искусство возможного. Чтобы быть эффективной, она должна опираться на прочный внутренний тыл и силу государства. Сегодня, когда Россия вновь обретает и то и другое, ей крайне необходим верный тон в отношениях с окружающим миром – спокойный и твёрдый, уверенный в себе (но без бравады) и последовательный (но тактически гибкий) в защите своих национальных интересов. Именно эти качества отличали добрынинский стиль дипломатии.

Его опыт актуален и ещё в одном отношении – глубоком понимании нашего непростого американского партнёра. Разумеется, времена изменились, период биполярной конфронтации ушёл в прошлое, но основные константы внешнеполитического поведения США остаются в силе: убеждённость в универсальности американских принципов и благости американской мощи, установка на своё лидерство в мире, опора на военную силу и жёсткий торг в отношениях с другими странами. Тем не менее, и с таким трудным партнёром можно иметь дело, как показывает опыт сотрудничества наших стран и в годы «холодной войны», и в последующий период. Но это требует больших целеустремлённых усилий с обеих сторон, искусной дипломатии, которая решала бы сложные задачи сегодняшнего дня, опираясь на опыт и лучшие достижения прошлого. Об этом говорит вся профессиональная жизнь Анатолия Фёдоровича Добрынина.